

Юрий Георгиевич Марьянов

Отец Михаила и Дмитрия Марьяновых

Юрий Георгиевич, Маргарита Илларионовна, Дима
и Миша Марьяновы. 1973 г

Мой воспитательный принцип прост: не мешать. Смотреть, наблюдать. Мальчишкам важно делать то, что нравится.

Миша с детства очень любил работать руками, все время что-то мастерил. Димка был у него на подхвате. То коробку возьмут из под холодильника — окна, двери вырежут — это у них домик. А в домике ведь нужно освещение, поэтому делают фонарики, какие-то блоки питания собирают — все Миша придумывал сам. Диме нравилось помогать брату, и они довольно долго, уже даже взрослыми, существовали в этом тандеме. Дима ассистировал Мише в работе. Но если я видел, что дома у них получается игрушка не шуточная, опасная — сразу же пояснял, какие могут быть последствия. Нет ничего проще — отобрать, сломать. Так ведь еще чего хуже сделают! Мы всегда договаривались. Да, бывает натворят дел — как-то люстру разбили. Но всегда получалась виновата кошка. С нее что возьмешь? А за хорошее всегда хвалили. Обязательно!

Однажды ребята нашли на улице старый подсвечник, разглядели как следует, пришли домой, говорят: «Папа! Давай его возьмем!» — «Что с улицы хлам домой тащить?» — «Нет, правда, хороший подсвечник!» Я им отвечаю: «Покажите сначала. Я из окна на него посмотрю». Они во двор выбежали, показывают. Смотрю, похоже, что вещь — одобрил. Мы его почистили — сняли ржавчину, покрасили — вот он, до сих пор на стене висит, на веранде! Из дома в дом за нами переезжает.

Мы всегда много времени проводили вместе. Ходили в бассейн вчетвером, в театр, в музей. Диме в детстве нравился Палеонтологический, а Зоологический так просто зачаровывал. Однажды он так увлекся, разглядывая мартышек, что отстал от нас, потерялся и в итоге схватил за руку незнакомого мужчину — пойдём, говорит. Потом сообразил: «Ой, это же не тот папа!»

Когда Дима пошел в школу, у них из первого класса отобрали ребят для занятий плаванием. На тренировках было не просто. Совмещать усиленную спортивную подготовку и учебу таким маленьким было тяжело, и почти все к концу года бросили. Только Дима остался. Занимался до четвертого класса и вошел в отличную форму. Ушел, потому что ему захотелось заниматься борьбой. Потом записался на футбол. Дольше всего он занимался боксом — до шестого класса. Однажды ему прилично досталось на соревновании, и в итоге я его от этого вида спорта отговорил: «Все мозги тебе отобьют! Ну не стоит».

Примерно в это время к ним в школу пришел преподаватель из молодежного театра на Красной Пресне. Он рассказал о профессии артиста и пригласил ребят попробовать, познакомиться с театральным искусством. Будут разные занятия — фехтование, акробатика, танцы, вокал. Будут ставить спектакли. Будет интересно! А пока, чтобы показать себя, нужно выучить стихотворение и прозу наизусть — уметь рассказать их перед комиссией. Дима пришел ко мне и попросил найти для вступительных испытаний какой-нибудь отрывок. Я предложил ему целое, пусть и маленькое произведение Льва Толстого «Гроза в лесу», из цикла рассказов для детей. Стихи он знал и раньше. Я им с Мишей читал поэму Александра Твардовского «Василий Теркин». Диме она очень нравилась, и он сам, давно уже, выучил всю главу «Воин и смерть» — для выступлений в пионерском лагере или на школьных вечерах.

Маргарита Илларионовна. Миша и Дима
Марьяновы. 1982 г.

Помню, это был холодный февраль, когда он поехал на пробу. Детишек была тьма-тьмущая! Дима позвонил маме на работу и говорит: «Так много ребят, что и не представляю, когда мы закончим...» Маргарита Илларионовна накупила продуктов и поехала в театр-студию Спесивцева. Почти целый день ребята очереди своей ждали, чтобы пройти прослушивание. Она все привезенное ребятам раздала, угостила — Димина группа уж совсем под конец оставалась. Я волновался, телефонов мобильных тогда не было — Дима пропал и она. Давно ведь с работы ушла. В начале первого ночи позвонила — только что закончили. Его выбрали из многих и многих детей. Так он перешел учиться в театральную школу.

В то время в Афганистане шла война, и мы с Маргаритой Илларионовной были в командировке в Кабуле два года. В нашей квартире там был телевизор «Юность». Еще ламповый, долго нагревался. И вот прихожу я как-то с работы, включаю, сел

на корточках — жду, пока изображение покажется. И только засветился экран — Димка! Крупным планом лицо — у него берут интервью! Я кричу: «Сюда! Скорей! Сына нашего показывают!»

19 июля 1987 года я позвонил домой — волновался, как дела у Димы, как проходят выпускные экзамены в школе. Маргарита Илларионовна к этому времени вернулась в Москву, что-то меня расспрашивала, а тут вдруг замолчала и говорит: «Пусть он сам тебе все расскажет». Я его про экзамены спрашиваю, как в школе, а Димка отвечает: «Папа! Ты меня поздравить можешь! Я студент первого курса Щукинского училища!» Я изумился. Неужели такое может быть?! Думаю, как школу закончит, а он отвечает, что студент уже и документ у него на руках! За подписью ректора — *Этуша (Владимир Абрамович Этуш — актер театра и кино, педагог. Художественный руководитель Театрального института имени Щукина. Народный артист РФ. Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством»)*.

Юрий Георгиевич и Дмитрий Марьяновы. 2010 г

Самое яркое мое воспоминание, связанное с профессиональной деятельностью Димы, это его курсовая работа «Белая гвардия». Он пригласил нас тогда на экзамен. Мы сели, смотрим внимательно, а его все нет и нет. Он Мышлаевского играл. Но никак на сцене не могли его узнать — голос, внешность — все другое. Переживали. Думали, замена! Даже как-то неприятно стало. Начали всех повнимательнее рассматривать — всякий раз переглядываемся — он или не он? И только уже на поклонах, когда полный свет дали, он в профиль встал — смотрим, вот же — знакомый нос, здоровенный! Потом даже подошли к художественному руководителю курса — Юрию Михайловичу Авшарову (*Артист театра и кино, педагог. Народный артист РФ*), рассказали что сына никак узнать не могли. Вот это перевоплощение! Потом мы к такому, конечно, уже были привычны. И всегда ждали его премьеры, отслеживали всю прессу — собирали статьи и интервью. Дима был хороший актер! Мы гордились им и гордимся до сих пор.